

«Родственные связи утрачены» Сводная биография казачьей семьи Гуровых

© 2015

В.А. Пушкарев

Статья посвящена судьбе амурских казаков — отца и сына Гуровых, которые после Гражданской войны оказались на разных берегах Амура: один на советской территории, другой — в китайской эмиграции. Обоих в новой жизни ждали серьезные перемены. На примере этой отдельно взятой семьи автор стремится показать трагизм русской смуты XX века.

Ключевые слова: Алексей Яковлевич Гуров, Алексей Алексеевич Гуров, амурское казачество, Дальневосточная эмиграция, контрреволюционная организация, репрессии в СССР, методизм.

Главным итогом Гражданской войны в России стал раскол некогда единого народа на «советское общество» и «русское зарубежье». Причем нация дробилась в самом своем основании — на уровне семьи. Навсегда обрывались родственные связи, а одно только упоминание о них грозило жестокими репрессиями. Понимание всей глубины этой национальной трагедии приходит, когда знакомишься с историей каждой отдельной семьи.

Особенно контрастны судьбы казачьих родов. Вырванные из традиционного социально-экономического уклада царской России, утратившие миссию служения, а вместе с ней свою сословную обособленность, казаки оказались в крайне затруднительном положении. Как на чужбине, так и в Отечестве им нужно было заново идентифицировать себя, искать место в новых исторических реалиях.

Одни так и не сумели этого сделать, приняв смерть за верность казачьим традициям. Другие раз и навсегда порвали с казачьим прошлым, переродились для новой жизни, обрели иное служение. Амурские казаки Гуровы — яркий тому пример. Русская смута не просто разметала отца и сына по разным берегам Амура, но далеко развела их в цивилизационном пространстве.

Археолог-любитель — идеолог повстанцев

В научной среде Амурской области имя первого местного археолога Алексея Яковлевича Гурова (1872–1932) хорошо известно. Оно звучит в начале каждой обзорной экскурсии в Амурском областном краеведческом музее, в формировании фондов которого А.Я. Гуров принимал самое деятельное участие.

Родоначальник амурской археологии происходил из простой казачьей семьи, и потому никакого специального образования не получил. Его «университетами» были станичная школа и годовой курс Иркутской учительской семинарии. Отработав пять лет в школах Поярковского станичного округа, в 1901 г. Гуров устроился десятником в Управление вод-

ных путей Амурского бассейна. А с 1914 по 1932 г. заведовал метеорологической станцией в родной Поярковской станице.

Кроме того, как человек грамотный и ответственный, он неоднократно занимал общественные должности. Так, с 1914 по 1920 г. Гурова избирали станичным казначеем, он был секретарем на III съезде Амурского казачьего войска, в 1920-е годы заведовал волостным столом ЗАГСа, был членом Поярковского кооператива и председателем кредитного товарищества.

Но самым любимым занятием Гурова на протяжении всей его жизни неизменно оставалась археология. Увлёкся он ею еще в юности, видимо, познакомившись с этой наукой в Иркутске. В 1889 г. он приступил к изучению археологических памятников на территории Приамурья. В ходе своих экспедиций по области собирал материалы и проводил частичные раскопки. Всего в ходе многолетней работы Гуровым было исследовано 60 археологических памятников.

Найденные им артефакты положили начало археологической коллекции амурского музея, специально для которого неутомимый краевед составил первую археологическую карту берега Амура. Наряду со многими гуровскими находками эта карта и сегодня украшает музейную экспозицию. Крупнейшие советские исследователи дальневосточных древностей А.П. Окладников, А.П. Деревянко, Б.С. Сапунов в своих трудах давали высокую оценку деятельности Гурова¹.

Однако это признание пришло спустя много лет после его смерти. В 1932 г. ученый-энтузиаст был расстрелян как государственный преступник. Впрочем, проблемы с советской властью начались у него значительно раньше.

В 1922 г. Гуров впервые был арестован по подозрению в связях с белогвардейской эмиграцией. Связь действительно существовала — родственная. Дело в том, что сын Алексея Яковлевича служил в армии Колчака, а затем эмигрировал в Китай. Но «преступления» сына были недостаточным основанием для расправы над отцом, поэтому военно-полевой суд его оправдал.

Спустя шесть лет Гуров вновь предстал перед судом. На сей раз его обвиняли в растрате казенных денег. И вновь подсудимый был оправдан. В 1931 г. поярковская комендатура ОГПУ арестовала его по подозрению в хранении золота. Но, видимо, единственным сокровищем пожилого краеведа были каменные артефакты, поэтому он в очередной раз был освобожден².

23 марта 1932 г. состоялся последний арест Гурова. На этот раз он проходил по делу «контрреволюционной казачьей организации». Всего чекисты «выявили» 28 ее членов — бывших казаков и крестьян сел Дим и Поярково Михайловского района. Они обвинялись в том, что готовили свержение советской власти и создание на Дальнем Востоке казачьего буферного государства при помощи белоэмигрантов и японских интервентов. В начале 1932 г. контрреволюционная организация якобы приступила к оформлению повстанческого отряда, перед которым была поставлена задача — поднять восстание в момент прибытия японской армии, а пока вести разведывательную работу³.

Список обвиняемых был тщательно подобран. Практически все они в ходе Гражданской войны боролись с красными, а ныне не скрывали своего презрения к коммунистам и выражали недовольство коллективизацией. Гурову же вновь припомнили сына-белоземлянина. Более того, по версии следствия, 60-летний старик являлся основателем и идеологом раскрытой контрреволюционной организации.

На первых допросах он категорически отрицал все предъявленные следователями обвинения. В протоколе, датированном 27 марта, читаем: «В предъявленном мне обвинении по ст. 58-й виновным себя не признаю и утверждаю, что о существовании в селах Михайловского района повстанческой организации, имеющей целью вооруженное выступление, ничего не знаю, и тем более в числе руководителей и учредителей такой организации никогда не состоял»⁴.

Однако после серии подробных допросов и очных ставок с другими «повстанцами» показания Гурова резко изменились. Протокол от 8 апреля начинается словами: «Воспользовавшись предоставленной мне возможностью обдумать мое положение, я решил дать откровенные показания об участии в контрреволюционной организации...»⁵. Эти «откровенные показания» почти дословно повторяют сведения, изложенные в протоколах с другими подписями. В конечном итоге из 28 фигурантов дела полностью свою вину признали 19 человек, частично — 5.

Спустя 27 лет о методах ведения следствия поведал оставшийся в живых Иван Козырев: «Каждую ночь вызывали на допрос и требовали, чтобы я рассказал о какой-то антисоветской организации, в которой якобы состоял. Во время допроса я часто подвергался избиению со стороны следователя. На каждом допросе составлялся протокол допроса, но что в нем писал следователь я не знаю, так как ни один протокол мне читать не давали и не зачитывали. Каждый протокол меня заставляли подписывать и боясь угроз, которые исходили от следователя, я подписывал»⁶.

Следствие длилось всего два месяца. 30 апреля 1932 г. на заседании тройки постоянного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю 22 фигуранта дела, в том числе А. Я. Гуров, были признаны виновными по 58-й и 59-й статьям Уголовного кодекса и приговорены к расстрелу (приговор был приведен в исполнение 5 мая). Оставшиеся шесть обвиняемых получили от 3 до 8 лет концлагерей⁷.

Процесс по делу контрреволюционной казачьей повстанческой организации в Михайловском районе стало первым в череде репрессий, инспирированных органами ОГПУ против казачьего населения Приамурья⁸.

Белогвардейский каратель — пастырь-бессребреник

В рассмотренном уголовном деле при характеристике контрреволюционного прошлого амурского казачества неоднократно упоминалось имя белогвардейца Алексея Алексеевича Гурова (1897–1956): «Особой жестокостью заслужила себе славу Поярково-Димская карательная сотня под командой офицера А. А. Гурова (сына проходящего по делу инициатора ликвидированной организации А. Я. Гурова), разграбившая и сжегшая дотла все селение Красный Яр, охваченное красно-партизанским движением»⁹.

Сам Алексей Яковлевич дал следующие показания: «Сын мой Алексей, будучи прапорщиком военного времени, служил в армии Колчака, командовал казачьей сотней. Принимал ли участие в карательных экспедициях, мне не известно. В 1920 г. он эмигрировал в Китай и проживал в Харбине, откуда до 1925 г. присылал мне письма. Писал, что служит сторожем методистской церкви. В данное время таковой связи с ним не имею»¹⁰.

Прибыв в Китай, Гуров-младший, видимо, как и многие другие эмигранты перебивался случайными заработками. Вероятно, именно ежедневная нужда в куске хлеба заставила православного русского офицера устроиться сторожем в методистскую церковь.

К методизму¹¹ в Китае принадлежало большинство виднейших китайцев-христиан, в том числе (с 1930 г.) и глава Китайской Республики Чан Кайши. Методистская община являлась богатейшей и наиболее влиятельной среди протестантского китайского населения. Кроме того, здесь действовали старые и богатые английские и американские методистские общины.

Окормлением русского населения занималась, возглавляемая американцами Сибирско-Маньчжурская миссия Методистской епископальной церкви, Юг (СММ). Свою работу в Харбине она начинала «с чистого листа», поскольку русских методистов на тот момент в городе не было. Однако мощная финансовая поддержка других методистских церквей позволила миссионерам широко развернуть здесь свою деятельность.

Официальное открытие русской методистской церкви в Харбине состоялось 1 мая 1923 г. Практически в это же время был учрежден Методистский институт (специальные классы с

вечерней формой обучения), в котором студенты изучали английский язык, стенографию, русскую и английскую машинопись, бухгалтерию, коммерческую корреспонденцию и другие дисциплины, которые были востребованы на местном рынке труда. Также действовали специальные курсы подготовки к поступлению в вузы США. Для детей из малоимущих семей были открыты две гимназии, в которых делался упор на практическое освоение английского языка.

Методисты открыли и медицинскую клинику, где пациенты за символическую плату получали квалифицированную помощь. Был еще ряд благотворительных проектов, например, по сбору средств на обеспечение сирот, бесплатные столовые для малоимущих и др. Разумеется, вся благотворительность сопровождалась проповедью Евангелия. В условиях тотальной нищеты, неустроенности и глубокой депрессии деятельность методистской общины встречала симпатию у русских эмигрантов.

К 1927 г. в Харбине и на КВЖД действовало уже шесть методистских церквей численностью более 200 человек. Важным условием для развития миссии была подготовка русских служителей. С этой целью в первый же год существования Харбинской церкви был открыт Богословский институт¹². Его возглавил бывший баптистский пастор Никольск-Уссурийска, лидер русского отделения СММ Николай Иванович Пейсти (1892–1948). Будучи талантливым педагогом, он подготовил себе несколько достойных преемников. В их числе и Алексей Алексеевич Гуров.

В ноябре 1923 г. церковный сторож стал студентом методистского Богословского института, а уже в сентябре следующего года Гуров получил право проповеди и был назначен помощником пастора Модягоуской церкви. Продолжая обучаться в Богословском институте, теперь он и сам преподавал в методистской воскресной школе¹³. Бывший бело-

гвардеец так охарактеризовал новую страницу в своей биографии: «Я благодарю и славлю Бога за эту чудную возможность, которую он дал мне, работать для Его Царствия»¹⁴.

В сентябре 1925 г. Гуров был рукоположен в сан диакона и направлен на служение в Цицикар¹⁵. Уже 27 декабря здесь состоялось торжественное открытие Цицикарской методистской церкви. По свидетельству диакона А. А. Гурова, «первая весть о Христе с кафедры Методистской Церкви была принята с благодарностью: многие друзья и посетители поздравляли, приветствовали и благодарили меня за открытие Церкви для проповеди Евангелия»¹⁶.

Как было отмечено ранее, именно в этом году обрывается связь молодого проповедника с оставшимся на советской территории отцом. Трудно сказать, что стало реальной причиной этого разрыва. Возможно, передавать корреспонденцию на советский берег из Цицикара было значительно труднее, чем из Харбина. Но равно можно предположить, что начиная новую жизнь на ниве евангельской проповеди, А. А. Гуров хотел порвать все связи с прошлым. К слову, обращает на себя внимание тот факт, что в показаниях Гурова-отца сын вплоть до 1925 г. оставался лишь сторожем в методистской церкви. О его учебе в Богословском институте и проповеднической деятельности Алексей Яковлевич либо умалчивал, либо вовсе ничего не знал.

Стремительный подъем методистской миссии среди русской колонии в 1927 г. сменился стагнацией. В этом году СММ возглавил новый епископ Уильям Эйнсворт, который отдал распоряжение американским миссионерам свернуть работу с русскими и покинуть Харбин. Русские общины остались без поддержки, что негативно сказалось на их дальнейшем существовании. Другим ударом стал отъезд в Европу Николая Пейсти. В 1930 г. он вернулся в Харбин, но уже как пятидесятник — под эгидой Русской Восточно-Европейской миссии. Его горячая проповедь привела многих методистов в общину пятидесятников¹⁷.

В 1930-е годы в Китае еще существовало пять методистских общин, однако они были весьма пассивны, и многие служители, воспитанные в Богословском институте (Гавриловчук, Ясницкий), вышли из них¹⁸. Гуров же оставался верен Методистской церкви. В эти годы он служил пастором в Шанхае. Однако ему регулярно приходилось приезжать в Харбин, чтобы поддержать местных методистов, оставшихся без духовного наставника¹⁹.

В таких случаях за ним велось агентурное наблюдение, так как японцы и местные деятели фашистского движения опасались его влияния на русскую диаспору. Член Всероссийской фашистской партии Н. Г. Половодов в агентурных целях даже завел с ним тесное знакомство. В 1935 г.²⁰ он сообщал своему руководству об очередном приезде Гурова в Харбин: «Появление на местном сектантском фронте этой личности, покоряющей людские сердца подлинными любовью и участием во имя Христа, я считаю весьма опасным»²¹.

Всякий раз, приезжая в Харбин, Гуров проводил на частных квартирах молитвенные собрания, на которых помимо методистов присутствовали баптисты, пятидесятники, молокане и представители других христианских сект. Пастор пользовался симпатиями даже среди православных. Все признавали его скромность и идейную чистоплотность, веру в то, что руководимое им дело — святое и нужное служение Богу, в котором чем больше терпения, тем лучше.

«Гуров, — отмечал фашистский агент, — является чуть ли не единственной светлой личностью на продажно-расчетливом фронте местного сектантского движения, поддерживаемого длинными американскими долларами. Тихий, скромный, задушевный, всепрощающий, стремящийся жить по заветам Христа, этот фанатик в своей общине пользуется большой любовью и авторитетом, как пастырь-бессребреник, одно появление, один взгляд которого уже вселяет в исстрадавшиеся в житейской борьбе сердца надежду и покой»²².

Сведения о последующей судьбе А. А. Гурова носят фрагментарный характер. Вероятнее всего, он, как и тысячи русских эмигрантов, покинул Китай после окончания Второй мировой войны. Последние годы своей жизни пастор Гуров служил и преподавал в военной школе Монтерея (штат Калифорния, США). 15 апреля 1956 г. американ-

ская газета «Новое русское слово» (№ 15632) опубликовала сообщение о его смерти в Сан-Франциско²³.

Так на другом конце планеты, вдали от Родины, культурной традиции и отеческой могилы завершился жизненный путь бывшего амурского казака — путь нелегкий, полный глубоких потрясений и крутых поворотов. Но вряд ли на родине его ожидала более спокойная и размеренная жизнь. И ожидала ли в принципе? Судьба его несчастного отца дает на этот вопрос вполне очевидный ответ.

1. *Холкина Т.А.* А.Я. Гуров. Неизвестные страницы биографии // Амурский краевед. Благовещенск. 1992. № 1. С. 10–12.
2. Архив УФСБ Амурской области. Дело № П-79680 «О контрреволюционной повстанческой организации Михайловского района». Л. 84–85.
3. Там же. Л. 499–500.
4. Там же. Л. 86 об.
5. Там же. Л. 369.
6. Там же. Л. 708.
7. Там же. Л. 721–723.
8. Впервые пересмотр этого дела состоялся в 1959 г. Факт существования в Михайловском районе контрреволюционной казачьей организации установить не удалось. Кроме того, было выяснено, что по материалам японских разведорганов ни один из 28 обвиняемых не числился. Таким образом, вина осужденных основывалась только на их признательных показаниях. Тем не менее прокурор Амурской области признал правильным постановление тройки в отношении всех фигурантов дела по причине их контрреволюционной деятельности в период Гражданской войны. Реабилитированы они были только в 1990 г.
9. Архив УФСБ Амурской области. Дело № П-79680. Л. 503.
10. Там же. Л. 87.
11. Методизм — протестантское движение, возникшее в XVIII веке в лоне англиканской церкви. Его основателем считается оксфордский преподаватель Джон Уэсли (1703–1791), который выступал за последовательное и *методичное* соблюдение евангельских предписаний. Считая, что все люди от рождения обладают даром Божественной благодати, особое внимание методисты уделяли миссионерской деятельности и ее новым формам: проповеди под открытым небом, в работных домах, тюрьмах и т.п. Упростив вероучение, методисты окончательно отпочковались от англиканской церкви в 1795 г., а в 1881 г. был создан Всемирный методистский совет. Последователями методизма сегодня являются свыше 60 млн человек. Он наиболее распространен в США, Великобритании, Австралии и Южной Корее.
12. *Дементьев А.* Этапы развития евангельского движения в русскоязычной диаспоре Китая в начале и середине XX века // Традиция подготовки служителей в братстве евангельских христиан-баптистов. История и перспективы: Сборник статей. М., 2013. С. 17, 19–20.
13. Методистский христианский поборник. 1923. № 10. 18 окт. С. 8–12.
14. Бюллетень Сибирско-Маньчжурской миссии методистской Епископальной Церкви, Юг. № 3. Окт. 1925. С. 6.
15. Там же. С. 9.
16. Бюллетень Сибирско-Маньчжурской миссии методистской Епископальной Церкви, Юг. № 5–6. Дек. 1925 — янв. 1926. С. 7, 8.
17. *Дементьев А.* Указ. соч. С. 20.
18. Там же. С. 22.
19. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11949. Л. 9.
20. В этом году наиболее авторитетный протестантский проповедник Николай Пейсти уже окончательно покинул Китай.
21. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11949. Л. 13.
22. Там же. Л. 9.
23. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 / Сост. В.Н. Чуваков. Т. 2. М., 1999. С. 280.